

Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи.

(съ 1819 — 1863 гг.)

Въ 1915 году Кіевская духовная академія праздновала трехсотлѣтіе своего существованія. Разрабатываютъ исторію академіи за этотъ періодъ нѣсколько профессоровъ этой академіи. Они, конечно, имѣютъ всѣ документальныя данныя для повѣствованія о жизни академіи во всѣхъ ея отношеніяхъ.

Мнѣ судилъ Богъ знать лично студентовъ Кіевской духовной академіи, окончившихъ въ первомъ академическомъ году (съ 1819—1829 г.) по ея преобразованіи. Нѣкоторыхъ изъ студентовъ академіи я только видѣлъ, какъ, напримѣръ, знаменитаго архіепископа Иннокентія (Борисова); нѣкоторые были моими учителями, напримѣръ, Андрей Демьяновичъ Граниковъ; нѣкоторые были коротко знакомы, какъ, напримѣръ, Аѳанасій Лотоцкій, бывшій намѣстникъ Почаевской лавры и скончавшійся въ званіи архимандрита, настоятеля Мелецкаго монастыря на Волыни; нѣкоторые же были моими учениками по Волынской, Смоленской и Полтавской семинаріямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что студенты даже и изъ тѣхъ курсовъ, изъ которыхъ мнѣ стали извѣстны, т.-е. съ перваго курса по преобразованіи, получаютъ подъ перомъ гг. профессоровъ, работающихъ надъ исторіей академіи, полный и возможно всесторонній очеркъ своихъ личностей и дѣятельности. Я въ своихъ воспоминаніяхъ не претендую ни на то, ни на другое. Мои замѣтки о студентахъ академіи носятъ характеръ дѣйствительной жизни, ни чуть не выдуманной.

Съ такимъ намѣреніемъ я и приступаю къ разсказу о студентахъ Кіевской духовной академіи съ перваго курса по преобразованіи.

Студенты первыхъ курсовъ по преобразованіи имѣли своими наставниками людей истинно благочестивыхъ. Извѣстно изъ наблюденій надъ жизнью, что первая сѣмена, посѣянная въ какомъ бы то ни было учрежденіи, слишкомъ сильно вліяютъ въ теченіе долгаго времени, и каждое учрежденіе долго живетъ духомъ своихъ первыхъ учредителей.

Кіевская духовная академія была тѣмъ счастлива, что она въ лицѣ первыхъ наставниковъ имѣла не поддѣльных подвижниковъ благочестія, изъ которыхъ замѣчательнѣе архимандритъ Мелетій (Леонтовичъ), скончавшійся 1840 года въ санѣ архіепископа харьковскаго. Когда Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ харьковскій, устраивалъ подъ церковью архіерейскаго дома въ подвальномъ этажѣ новый храмъ, и когда рабочіе стали выбрасывать землю, то нашли тамъ кости нѣсколькихъ архіереевъ, а гробъ Мелетія найденъ съ нетлѣннымъ тѣломъ. Безъ всякаго сомнѣнія, архіепископъ Иннокентій, вспоминая подвижническую жизнь своего наставника академіи, не велѣлъ его болѣе предавать зейлѣ; и въ настоящее время архіепископъ Мелетій въ закрытомъ гробѣ почиваетъ нетлѣнно на виду всѣхъ въ нижней церкви архіерейскаго дома.

Первый курсъ.

(1819 — 1823 гг.)

Иванъ Борисовъ, воспитанникъ Орловской семинаріи, архимандритъ и потомъ епископъ Иннокентій, магистръ перваго курса. Съ 23 сентября 1823 года инспекторъ С-Петербургской семинаріи; съ 13 декабря 1824 года бакалавръ. съ 2 сентября 1825 г. инспекторъ и съ 7 января 1828 г. экстраординарный профессоръ С-Петербургской академіи. Въ 1826 г. за уроки по богословію и за сочиненіе: «Жизнь св. священномученика Кипріана, епископа кареагенскаго, — Жизнь св. апостола Павла и Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» возведенъ на степень доктора богословія. Съ 17 августа 1830 года ректоръ кіевской академіи и ординарный профессоръ богословія. Съ 3 октября 1837 года епископъ чичиринскій и викарій Кіевской епархіи, затѣмъ вологодскій, харьковскій. Скончался въ 1857 году въ санѣ архіепископа херсонскаго.

Объ архіепископѣ Иннокентіи я могу только сказать то, что онъ проѣздомъ въ Петербургъ въ Св. Синодъ въ 1852 году остановился въ Кіевѣ, обѣдалъ у митрополита Филарета и посѣтилъ Кіевскую академію. Мы, студенты 16 и 17 курсовъ собраны были въ залъ, куда Иннокентій вошелъ въ сопровожденіи начальства и академической корпораціи. Мы ожидали отъ такого знаменитаго оратора слышать какое-нибудь назидательное наставленіе. Ничего подобнаго не было. При входѣ архіепископа пропѣли мы обычное «Царю небесный», онъ насъ благословилъ общимъ благословеніемъ; затѣмъ, окинувъ внимательно взоромъ залъ и взглянувъ на портреты, находящіеся въ немъ (а ихъ тогда было очень немного), сказалъ: все то же, портреты тѣ же. Это означало, что при его пріемникахъ по ректорству въ залѣ ничего новаго не было. Начальство поняло слова архіепископа Иннокентія такъ, что онъ не видѣлъ въ залѣ своего портрета и по отъѣздѣ обратилось съ письменной просьбой дозволить написать его портретъ и поставить въ залъ, на что со стороны Иннокентія послѣдовало согласіе.

Архіепископъ Иннокентій не производилъ какого-нибудь сильнаго впечатлѣнія своимъ внѣшнимъ видомъ. На портретахъ его изображаютъ очень интеллигентнымъ, красивымъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго изящества въ лицѣ. Ничего подобнаго въ Иннокентіи не было. Лицо его было простое, похожее по типу на простыхъ крестьянъ, жителей Орловской губерніи, какой онъ дѣйствительно и былъ уроженецъ. Руки его были невыхоленные, какъ у многихъ архіереевъ, но, на противъ, красныя, поросшія волосами. Преподавая намъ благословеніе, Иннокентій въ то же время въ полголоса разговаривалъ съ начальствомъ, что на насъ дѣйствовало непріятно, потому что мы привыкли отъ митрополита Филарета получать благословеніе съ полнымъ вниманіемъ къ тому, что намъ преподавалось. Иннокентій отъ природы ли или отъ привычки говорилъ въ носъ. Онъ такъ вліялъ на своихъ учениковъ, что многіе изъ нихъ старались подражать ему въ произношеніи, даже копировали и усваивали его почеркъ. Это впослѣдствіи время отъ времени повторялось въ Кіевской академіи даже въ пятнадцатомъ курсѣ. Михаилъ Филаретовъ, впослѣдствіи архимандритъ Филаретъ, ректоръ Кіевской академіи, затѣмъ епископъ рижскій, не будучи студентомъ курсовъ, бывшихъ при Иннокентіи, и не слушавъ его лекцій, поставилъ себѣ правиломъ подражать Иннокентію въ выго-

„Русская Старина“, т. CLXIX. Январь 1917 г.

ворѣ. Было довольно смѣшно, когда Филаретъ, обладавшій открытымъ голосомъ, хорошимъ произношеніемъ, вдругъ вспомнивъ, что нужно ему подражать Иннокентію, начиналъ говорить въ носъ и кончилъ тѣмъ, что навсегда испортилъ свой отчетливый и открытый русскій выговоръ.

По словамъ кафедральнаго протоіерея г. Одессы (разсказъ 1866 года) по смерти архіепископа Иннокентія его архивъ отвезли въ Петербургъ и представили въ Св. Синодъ, при чемъ набралось немало томовъ, потому что, зная даровитость Иннокентія, ему поручались нерѣдко государственные вопросы.

Тотъ же протоіерей передавалъ слѣдующій случай. Во время обзора епархіи въ Крыму (тогда архіепископу херсонскому былъ подчиненъ весь Крымъ, симферопольской епархіи не было) Иннокентій заболѣлъ; пригласивъ къ себѣ протоіерея, онъ сказалъ, чтобы вечеромъ собрались всѣ, сопровождавшіе его въ путешествіи, и онъ составилъ завѣщаніе на деньги, имѣющіяся у него, которыхъ наличными около пятисотъ тысячъ. Когда явились вечеромъ, Иннокентій чувствовалъ себя лучше и о завѣщаніи не говорилъ ни слова, но принялъ всѣхъ любезно, напоилъ чаемъ и отпустилъ. Никто не смѣлъ напомнить архіерею, что собрались не для угощенія, а для составленія завѣщанія.

По пріѣздѣ въ Одессу, въ непродолжительномъ времени Иннокентій скончался, не оставивъ завѣщанія. Деньги его укралъ одинъ изъ служащихъ, такъ что Иннокентія похоронили на соборный счетъ.

Архіепископъ Иннокентій умѣлъ привязывать къ себѣ людей. Мы разсказывали, что онъ по временамъ собиралъ вокругъ себя кружокъ профессоровъ университета, преподавателей семинаріи и въ этомъ кружкѣ велъ разсужденія на разные темы. Случалось часто, что Иннокентій вступалъ съ кѣмъ-нибудь въ собесѣдованіе, предоставлялъ своему оппоненту говорить и видимо соглашался съ нимъ. Затѣмъ Иннокентій спрашивалъ своего собесѣдника: кончили; и когда тотъ отвѣчалъ, что кончилъ, тогда Иннокентій и говорилъ: вотъ вы и ошибаетесь, и начиналъ свои опроверженія.

Андрей Демьяновичъ Граниковъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи, магистръ, а съ сентября 1823 года бакалавръ, съ 6 апрѣля 1831 года экстраординарный профессоръ всеобщей гражданской исторіи, а съ марта 1836 года ординарный профессоръ.

Андрей Демьяновичъ мой наставникъ въ Кіевской духовной академіи. Безъ сомнѣнія, біографическія свѣдѣнія о немъ собраны и изложены однимъ изъ профессоровъ составителемъ исторіи академіи; я только считаю долгомъ сообщить то впечатлѣніе, какое на насъ, студентовъ, производилъ онъ.

Андрей Демьяновичъ преподавалъ намъ всеобщую гражданскую исторію; читалъ онъ лекціи по тетрадкамъ, написаннымъ на синей бумагѣ. Устныхъ разсказовъ никогда мы отъ него не слыхали.

Андрей Демьяновичъ былъ также бібліотекаремъ академіи; какъ бібліотекаръ, онъ былъ въ высшей степени любезенъ со студентами. Выдавая книги учащимся, онъ требовалъ аккуратности по отношенію къ нимъ и не допускалъ никакихъ поврежденій. Получая обратно учебники отъ студентовъ, онъ всегда освѣдомлялся о состояніи книги. Когда мы, студенты, сдавали учебники исторіи Кайданова, Андрей Демьяновичъ говоритъ: я не смотрю уже теперь въ эти книги: знаю, что вы въ нихъ пишете много глупостей.

А мы, зная аккуратность и точность Андрея Демьяновича, записывали на поляхъ исторіи Кайданова, съ какого числа Андрей Демьяновичъ начиналъ носить шубу, съ какого числа осеннее и весеннее пальто, съ какого лѣтнее, когда являлся на уроки во фракъ (обязательно послѣдній онъ надѣвалъ въ день ангела отца каѳедральнаго протоіерея Іоанна Скворцова, профессора богословія университета св. Владиміра) и другіе подобные дни.

На своихъ лекціяхъ Андрей Демьяновичъ былъ всегда серьезенъ. Читалъ историческіе разсказы ровнымъ, размѣреннымъ темпомъ. Воодушевлялся онъ только при чтеніи двухъ героевъ — Александра Македонскаго и Альфреда Великаго. Въ семнадцатомъ курсѣ одинъ изъ моихъ товарищей Викторъ Юркевичъ во время самаго патетическаго изложенія Андреемъ Демьяновичемъ исторіи Александра Македонскаго зѣвнулъ; Андрей Демьяновичъ замѣтилъ это и только почесалъ около носа. Въ большинствѣ исторій Кайданова это событіе было записано.

Какъ аккуратный человекъ, Андрей Демьяновичъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ описанъ Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ, редакторомъ - издателемъ «Домашней бесѣды», въ стихотвореніи «Очень порядочный человекъ».

Андрей Демьяновичъ Граниковъ скончался въ 1860 году въ чинѣ статскаго совѣтника.

Павель Діомидовъ, воспитанникъ Орловской семинаріи. Онъ долгое время былъ смотрителемъ Переяславскаго духовнаго училища, Полтавской губерніи и при немъ Переяславская бурса была въ томъ видѣ, въ какомъ ее описалъ Нарѣжный. Ученики о немъ отзывались, какъ о добромъ человѣкѣ. Извѣстенъ тѣмъ, что любилъ давать малороссійскимъ фамиліямъ великорусскій оттѣнокъ. Такъ, напримѣръ, Гаврило, вполнѣдствіи ректоръ Полтавской духовной семинаріи, дѣлался у него Гавриловымъ, и т. д.

Вообще о жизни перваго курса (1819—1823 г.г.) Кіевской духовной академіи я знаю изъ рассказовъ студента перваго курса Аѳанасія Лотоцкаго,—вполнѣдствіи архимандрита Амвросія. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Студенты жили въ такъ называемомъ старомъ корпусѣ, внизу; желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ не было. Аудиторіи находились въ верхнемъ этажѣ того же корпуса. Жизнь студентовъ академіи, по словамъ архимандрита Амвросія, была въ высшей степени свободная, стѣсненій отъ начальства не было. Пользуясь тѣмъ, что въ окнахъ не было желѣзныхъ рѣшетокъ, студенты по вечерамъ уходили черезъ окна въ городъ и, проведя тамъ сколько угодно, такимъ же путемъ возвращались назадъ.

Одинъ, по словамъ того же архимандрита Амвросія, изъ студентовъ, харьковскій уроженецъ, чаще другихъ путешествовалъ въ городъ. Въ одну ночь онъ возвратился изъ города только въ одномъ бѣльѣ, даже сапоги съ него были сняты. Кровать его стояла подлѣ окна. Проснувшись утромъ, онъ обратился къ товарищамъ съ просьбой дать ему кирпичъ. Когда ему кирпичъ былъ поданъ, онъ разбилъ два нижнихъ стекла, оцарапалъ себѣ этимъ кирпичемъ лицо, бросилъ его на полъ и, обратясь къ одному изъ товарищей, который носилъ названіе старшаго ¹⁾, сказалъ:—Старшій, пойди скажи отцу ректору, что у меня съ окна всю одежду украли, кирпичиною ранили въ лицо, а сапоги, братцы, дайте, потому что они на окнѣ не стояли.

Старшій такъ и сдѣлалъ. Ректоромъ академіи тогда былъ архимандритъ Моисей (Антиповъ), вполнѣдствіи экзархъ Гру-

---

¹⁾ Старшими студентами въ семинаріяхъ и академіяхъ называются лучшіе студенты—ученики семинаріи по успѣхамъ и поведенію. Имъ поручается надзоръ за порядкомъ и вмѣняется въ обязанность наблюдать за товарищами. По окончаніи мѣсяца старшій долженъ подавать инспектору вѣдомость о поведеніи каждаго изъ товарищей.

зіи. Когда старшій доложилъ объ этомъ отцу ректору, послѣдній взглянулъ на разсказъ съ улыбкой. Приказалъ эконому сдѣлать все для студента, т.-е. сшить одежду. Но догадавшись, что это продѣлка студента, распорядился вставить въ окна желѣзныя рѣшетки.

По поводу подобнаго нововведенія случались такіе курьезы.

Помѣщенія съ рѣшетками въ окнахъ имѣли видъ тюремъ; и богомольцы, проходя мимо такихъ помѣщеній и видя тамъ, за рѣшеткой, молодыхъ людей, выражали сожалѣніе, что раніе молодые, а уже попали въ тюремное заключеніе; иные изъ благочестивыхъ богомольцевъ клали на окна деньги.

Второй курсъ.

(1821—1825 г.г.).

Антоній Мартыновскій, кончилъ академію въ санѣ іеромонаха Анатолія, впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, воспитанникъ Подольской семинаріи. Замѣчателенъ по своимъ ученымъ произведеніямъ. Его сочиненія о римскомъ католичествѣ считаются образцовыми.

По выходѣ на покой онъ жилъ и скончался въ одномъ изъ монастырей Кишиневской епархіи. Въ монастырѣ отъ монаховъ терпѣлъ онъ сильныя притѣсненія, которыя переносилъ терпѣливо и никогда не жаловался. Когда Павелъ, архіепископъ кишиневскій, при объѣздѣ епархіи узналъ объ этомъ, то спросилъ владыку Анатолія, правда ли, что онъ отъ монаховъ терпѣлъ притѣсненія.

Анатолій отвѣтилъ, что, напротивъ, ему въ монастырѣ живется очень хорошо и непріятностей отъ монаховъ онъ не видитъ никакихъ.

Замѣчателенъ оставшійся послѣ него портретъ. Онъ былъ написанъ красками на полотнѣ, а потомъ копіи продавали въ литографированномъ видѣ. На портретѣ владыка Анатолій изображенъ такъ: Архіерей, услышавшій звонъ къ литургіи, упалъ въ глубокую думу, предъ нимъ на столѣ, на который онъ облокотился, положенъ клобукъ, и въ клобукѣ вложены

всѣ орденъ, какими тогда украшались архіереи во время богослуженія ¹⁾).

Архіепископъ Анатолій былъ друженъ и, кажется, дальній родственникъ Гричулевичей, изъ которыхъ сынъ старца Гричулевича, извѣстнаго своими очень удачными проповѣдями на малороссійскомъ языкѣ, былъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ епископомъ и также носилъ имя Анатолія.

Николай Савченко, воспитанникъ Курской семинаріи, въ послѣдствіи Нафанаилъ, епископъ полтавскій, потомъ архангелогородскій, скончавшійся въ званіи архіепископа черниговскаго.

Николай Савченко былъ сначала священникомъ; овдовѣвъ, онъ принялъ монашество. Какъ епископъ полтавскій, онъ оставилъ по себѣ въ епархіи недобрую память.

Въ Архангельскѣ онъ жилъ какъ въ ссылкѣ. Никогда не обозрѣвалъ епархіи, довелъ до запустѣнія и развалинъ архіерейскій домъ и тогда просилъ у Св. Синода разрѣшеніе купить новый, что было и разрѣшено. Купленный домъ находился на берегу рѣки Двины противъ пристани, на которой въ лѣтнее время происходили днемъ и ночью разныя работы, такъ что въ архіерейскомъ домѣ не было покоя для жильцовъ.

Такъ какъ въ этомъ домѣ не было домової церкви, то епископъ Нафанаилъ устроилъ ее на одномъ изъ угловъ второго этажа. Иконостасъ въ храмѣ писалъ Александръ Васильевичъ Вьюшинъ; всѣ иконы были написаны въ видѣ литографическихъ снимковъ; предъ иконами не было устроено мѣсто для постановки свѣчей, освѣщались онѣ лампадами, придѣланными по бокамъ на пилястрахъ, а предъ самими иконами не было ни свѣчъ, ни лампадъ. Только одна икона Божіей Матери была живописная. Ее держали два ангела, нарисованные по бокамъ.

Изъ Архангелогородской епархіи епископъ Нафанаилъ былъ переведенъ въ Черниговскую епархію, гдѣ въ званіи

¹⁾ Въ прежнее время архіереи во время священнослуженія въ слѣдъ за крестомъ и панагіей надѣвали всѣ орденъ, какіе кто имѣлъ. Чрезвычайно непріятное впечатлѣніе производило то, что одинъ изъ иподіаконовъ во время литургіи только и занятъ былъ тѣмъ, что послѣ каждаго поклона, сдѣланнаго архіереемъ, поправлялъ на спинѣ владыки орденскія ленты.

Ношеніе орденовъ во время священнослуженія отмѣнено по настоянію митрополита московскаго Іоаннікія и оберъ-прокурора Св. Синода Константина Петровича Побѣдоносцева. Они хотѣли было совсѣмъ отмѣнить награды орденами духовенству, но не хотѣли дразнить, какъ выразился митрополитъ Іоаннікій, петербургскаго митрополита Исидора и многихъ другихъ лицъ изъ высшаго духовенства, которые были противъ отмѣны орденовъ.

архієпископа скончался и погребенъ подъ Троицкимъ храмомъ въ монастырѣ.

Я съ нимъ впервые встрѣтился въ самомъ г. Архангельскѣ, когда былъ назначенъ настоятелемъ Пертоминскаго монастыря. Такъ какъ Нафанаилъ былъ епархіальнымъ архієреемъ, то я по долгу службы долженъ былъ ему представиться. Когда я ему представился, онъ отнесся ко мнѣ весьма благосклонно; мы съ нимъ долго сидѣли и разговаривали, подъ конецъ онъ сказалъ:— Удивительное дѣло: съ инымъ человѣкомъ ни слова не скажешь, а съ вами какъ будто мы всю жизнь прожили.

Вообще преосвященный Нафанаилъ былъ человѣкомъ всесторонне образованнымъ. Одинъ разъ онъ мнѣ цѣлый часъ говорилъ объ устройствѣ печей.

Однако, благосклонность епископа Нафанаила продолжалась ко мнѣ не долго. Нашлись люди, которые, воспользовавшись слабостью Нафанаила, охладили его добрыя отношенія ко мнѣ. У преосвященнаго Нафанаила, какъ и у многихъ другихъ стариковъ, было убѣжденіе, что онъ въ своихъ распоряженіяхъ вполнѣ самостоятеленъ. И чтобы такихъ людей вооружить противъ кого-нибудь, стоитъ имъ внушить мысль, что на нихъ вліяютъ другія лица къ нимъ близкія. То же было и съ Нафанаиломъ.

Нашлись люди, которые ему сказали, будто бы я хвалился гдѣ-то, что имѣю на него большое вліяніе, и онъ подъ такимъ вліяніемъ дѣлаетъ свои распоряженія. Преосвященный Нафанаилъ повѣрилъ этому и охладѣлъ ко мнѣ.

Когда я узналъ о причинѣ охлажденія его ко мнѣ, я ему выяснилъ, что я не только не говорилъ ничего подобнаго, но даже и не могъ сказать о какомъ-нибудь вліяніи на него потому, что въ Архангельскѣ бываю разъ, много два въ теченіе года; значить, съ нимъ вижусь рѣдко и то на самое короткое время, и потому не могло быть и рѣчи о томъ, что я могъ хвалиться гдѣ-нибудь близостью къ нему и вмѣшательствомъ въ епархіальныя дѣла. Преосвященный Нафанаилъ понялъ это, но тѣмъ не меньше продолжалъ относиться ко мнѣ довольно холодно.

Къ числу хорошихъ чертъ епископа Нафанаила можно упомянуть о томъ, что во время священнослуженія, совершаемаго имъ благолѣпно и безъ растягиваній, во время кажденія послѣ малаго входа, пѣвчіе пѣли по его приказанію «Заступница усердная»... вмѣсто ис полла эти, деспота.

Когда я замѣтилъ ему разъ о этой особенноти его служенія, епископъ Нафанаилъ сказалъ: пусть лучше прославляютъ Матерь Божію, чѣмъ восхваляютъ архіерея.

Николай Кардасевичъ, воспитанникъ Подольской семинаріи. Былъ протоіереемъ въ мѣстечкѣ Радзивиловъ, Волынской губерніи. Это былъ человѣкъ честный, благородный и высокой христіанской жизни.

Я познакомился съ нимъ во время службы моей въ Волынской духовной семинаріи, которая тогда помѣщалась въ г. Кременецъ, часто ѣздилъ къ нему въ м. Радзивиловъ (отъ Кременца 25 верстъ) и видѣлъ въ немъ всегда умнаго, отзывчиваго участника въ каждомъ моемъ горькомъ положеніи.

Отецъ протоіерей ненавидимъ былъ поляками м. Радзивилова, такъ какъ онъ былъ чисто русскаго характера и направленія. Поляки и полякующіе русскіе дѣлали положеніе отца протоіерей тяжелымъ во всѣхъ отношеніяхъ. На кладбищѣ мѣстечка находилась церковь, на которую не давали никакихъ средствъ для ея поддержки; она сдѣлалась уже непригодной для служенія. Случайно въ м. Радзивиловъ умеръ и погребенъ былъ на кладбищѣ одинъ знатный сенаторъ изъ Петербурга. Надъ могилой его была устроена часовня. Эту часовню отецъ протоіерей обратилъ въ церковь, пристроивъ къ ней притворъ. Въ самой же церкви такъ было тѣсно, что могли помѣститься только священникъ, нѣсколько пѣвцовъ и человѣкъ десять богомольцевъ и то съ трудомъ.

Всѣми силами отецъ протоіерей старался поправить главный деревянный храмъ, чего наконецъ и достигъ.

Освященіе храма съ разрѣшенія епископа волынскаго Антонія (Павлинскаго) совершилъ самъ отецъ протоіерей съ двумя преподавателями Волынской духовной семинаріи.

Онъ мнѣ ничего достойно примѣчательнаго о жизни своей и товарищей по академіи не сообщалъ.

Василій Янчевскій, воспитанникъ Черниговской семинаріи. Былъ смотрителемъ Новгородъ Сѣверскаго духовнаго училища. Онъ долгое время занималъ эту должность и въ то же время былъ уѣзднымъ протоіереемъ.

Не могу судить о немъ какъ священникъ, но какъ о смотрителѣ училища нельзя не сказать, что это былъ человѣкъ, думавшій только о себѣ и своей семьѣ, и не обращавшій никакого вниманія на несчастное положеніе учениковъ училища.

Должности учительской онъ не занималъ въ училищѣ, а только считался ея смотрителемъ. При немъ помѣщенія для учениковъ были отведены—четыре большихъ комнаты, въ зданіи училища, которое помѣщалось въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Новгородъ-Сѣверска. Они содержались въ такой грязи, что когда пріѣхалъ ревизоръ изъ черниговскихъ преподавателей семинаріи, архимандритъ Іосифъ, начальство училища не могло домыться до досокъ.

Наслоеніе грязи было такъ велико, что требовалась геркулесовская сила, чтобы смыть ее. Начальство, не видя возможности смыть грязь до половъ, порѣшило только высыпать полъ пескомъ, и ревизоръ даже не сдѣлалъ за это замѣчанія начальству.

Кормили учениковъ только для поддержанія ихъ жизни. Чтобы имѣть что-нибудь для подкрѣпленія себя, ученики бursы—казеннокоштные придумали такое средство. Зимой, когда классы совершенно не топились и бѣдные учителя и ученики сидѣли на урокахъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, казеннокоштные позволяли своекоштнымъ приходить въ ихъ помѣщенія и за это каждый своекоштный долженъ былъ внести въ пользу казеннокоштнаго два-три куска сала.

Этимъ достигалось только то, что ученики своекоштные окончателно выстуживали помѣщенія казеннокоштныхъ, сами отъ того нисколько не согрѣваясь. Кромѣ того двери въ помѣщенія казеннокоштныхъ учениковъ вели изъ холоднаго коридора.

Смотритель, Василій Янчевскій, все это видѣлъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ улучшенію быта несчастныхъ дѣтей.

Мы, ученики, видѣли его въ училищѣ очень рѣдко.

Придетъ онъ, вызоветъ инспектора Крыловскаго, съ нимъ въ отдѣльномъ помѣщеніи для инспектора проведетъ нѣсколько часовъ и уйдетъ, а ученики остаются по-прежнему въ холодѣ и голодными. Новгородъ-Сѣверская бурса гораздо была хуже всего того, что описываетъ Помяловскій въ своей С.-Петербургской бурсѣ.

Больницы не было. Дѣло дошло до того, что больные ученики лежали въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ и жили. Одного изъ учениковъ нашли мертвымъ въ стоячемъ положеніи у своей кровати; но на это никто не обратилъ вниманія. Таково было отношеніе Янчевскаго къ училищу и намъ.

Учителя съ нами обращались очень грубо; пороли насъ безъ милосердія; за всякую рѣзвость назначалась учителями

порка. Сидя въ холодныхъ помѣщеніяхъ, мы одинъ разъ придумали самую невинную шалость. Сдѣлали волчки, устроили кнутики и въ промежуткахъ между уроками, чтобы согрѣться, гоняли эти волчки по корридору. Одинъ изъ учителей, священникъ Громаковскій, узналъ объ этомъ, отобралъ наши игрушки и каждого изъ участниковъ въ этой игрѣ подвергъ наказанію. И это все смотритель зналъ и допускалъ практиковаться такому отношенію учителей къ намъ.

Помнится, была разъ одна такая сцена. Одинъ изъ учениковъ зналъ, что отецъ его доставилъ одному изъ учителей рыбы. Когда этотъ мальчикъ разъ не зналъ урока, а видно мальчикъ былъ изнѣженъ, дома розги не зналъ и боялся ее, этого мальчика учитель приказалъ высѣчь. Услыхавъ это, мальчикъ бросился къ учителю, схватилъ его за ноги и кричалъ: Господинъ учитель, пощадите, рыбки привезу. Учитель этотъ страдалъ ревматизмомъ и, когда мальчикъ схватилъ его за больныя ноги, вышелъ изъ себя, приказалъ другимъ мальчикамъ оттащить отъ себя и еще болѣе его выпороть.

Таковъ былъ строй тогда въ Новгородъ-Сѣверскомъ духовномъ училищѣ, да и въ другихъ не лучше, какъ рассказывали товарищи по академіи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Сообщ. А. М. Чижевскій.

